

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

ГЕОРГИЙ ДОРОФЕЕВ

ХРУЩЕВ

ИНТРИГИ | ПРЕДАТЕЛЬСТВО | ВЛАСТЬ

МОЗАИКА-СИНТЕЗ

Тайное и явное в истории Отечества

Георгий Дорофеев

**Хрущев: интриги,
предательство, власть**

«МОЗАИКА-СИНТЕЗ»

2010

Дорофеев Г. В.

Хрущев: интриги, предательство, власть / Г. В. Дорофеев — «МОЗАИКА-СИНТЕЗ», 2010 — (Тайное и явное в истории Отечества)

Новейшая история нашей страны с избытком насыщена тайнами, мифами и парадоксами. Одним из таких парадоксов истории СССР является вознесение на вершины власти Никиты Хрущева — малограмотного изворотливого хитрого и хваткого партийного функционера, который на протяжении десятка лет не только жонглировал судьбами миллионов людей, но и угрожал существованию целой планеты, балансируя на грани ядерной войны и мира. Книга «Хрущев: интриги, предательство, власть» — это интересная художественно-публицистическая реконструкция советской истории XX века, честная попытка отделить зерна от плевел. В работе использованы архивные материалы, прежде закрытые для широкого доступа. Данная историко-публицистическая летопись является логическим продолжением двух предыдущих исследований автора, первое из которых было посвящено Николаю II, а второе И. В. Сталину.

Содержание

Хрущев – Кремлевский Распутин	6
Тайное и явное	9
Новый стиль руководства или «сапоги всмятку»	12
Удачная хитрость	14
Бегство	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Георгий Дорофеев

Хрущев: интриги, предательство, власть

Дорофеев Георгий Васильевич – журналист, писатель, издатель. Его обостренное чувство социальной справедливости, личная ответственность за все происходящее, живой ум и критический взгляд на современную жизнь и на наше не очень далекое прошлое всегда находят отклик в сердцах читателей, а острые публицистические материалы неизменно вызывают интерес, побуждают читателя думать, сравнивать и делать оценки самостоятельно.

Хрущев – Кремлевский Распутин

Вот уже более полвека люди говорят, спорят, дискутируют: почему Хрущев, выступая с докладом «О культуре личности» на XX съезде, так «круто» обошелся со Сталиным, который, собственно, поднял его на уровень мировых политиков и дал путевку в большую жизнь. Одни говорят, что Никита Сергеевич – великий правдолюб, для которого истина дороже всего, цитируют при этом выражение древних: «Платон мне друг, но истина дороже». Другие утверждают, что он смелый человек, который, рискуя потерять голову, бросился в битву за справедливость. Третьи убеждены, что он великий реформатор, и сравнивают его с Петром Первым.

Однако, по мнению многих, Никита Сергеевич ни первое, ни второе, ни третье. А уж если сравнивать его с кем-то, то только с Григорием Распутиным. У них даже сходные биографии. Распутин родился в деревне, и Никита Сергеевич – в деревне. Только и отличие, что в разных деревнях и в разное время.

В молодости и тот, и другой уходили из дома, Распутин – по святым местам, Хрущев – в Донбасс. Возвратившись из дальних странствий в родные места, Григорий Ефимович выдавал себя за святого пророка, а Никита Сергеевич – за шахтера, марксиста-ленинца. Но как Распутин никогда не был святым, так и Никита Сергеевич никогда не был марксистом-ленинцем. Они, спекулируя на модных течениях, наживали моральный капитал на потребу времени.

Оба попали на самый верх благодаря стечению обстоятельств и протекции. Распутина ввели в царскую семью епископ Гермоген и архимандрит Феофан, а Хрущева познакомили и рекомендовали Сталину первый секретарь Украинского ЦК партии Лазарь Каганович и жена Иосифа Виссарионовича Надежда Аллилуева. Как Распутин, так и Хрущев вышли на самую высокую орбиту как раскаявшиеся грешники. Распутин в молодости занимался воровством и конокрадством, а потом переметнулся в святые, а Хрущев – бывший троцкист, утверждающий, что он уверовал в святость марксистско-ленинского учения.

Распутин, прикидываясь простачком из народа, входил в царские чертоги, нарочито выставляя свою наивность и веру; Хрущев, по словам его зятя Аджубея, встречаясь со Сталиным, постоянно разыгрывал из себя простачка-работягу. Полное отсутствие совести у того и другого в сочетании с величайшей ловкостью и хитростью позволяло им лавировать и держаться на самом вершине. Они всегда действовали сообразно обстоятельствам и одними методами – хитростью, интригами, уловками... Хорошо ориентируясь в окружающей обстановке, они старались предупредить предстоящую опасность, ловко набрасывая тень или подставляя подножки явным и скрытым своим врагам. Таким образом, в руке человека, готовящегося к их разоблачению и нанесению им удара, оказывалось уже заранее притупленное оружие.

Больше всего в их характерах поражает хитрость и проницательность, умение безошибочно угадывать мысли своих хозяев, следовать им и скрывать свое растущее интриганство под масками грубых, простоватых и ограниченных мужиков из народа.

Оба они путем ловких интриг расправились со своими отцами – покровителями. Когда Феофан решил разоблачить алчность и подлость Распутина, то тут же столкнулся с неприятием обвинений со стороны царя и царицы. Оказывается, Григорий Ефимович успел их предупредить, что Феофан хотел использовать пребывание его, Распутина, в царском дворе, в корыстных целях, а когда он отказался, то Феофан решил возвести на него клевету и напраслину. Вскоре Феофана сослали в монастырь.

Не менее ловко расправился Хрущев с Кагановичем, когда тот с другими членами Политбюро, обвинив Никиту Сергеевича в злоупотреблении властью, решили сместить его с занимаемых постов. Хрущев упреждает удар. Он в срочном порядке собирает пленум, на котором доказывает, что Каганович и его группа боролась не против него, а против линии партии. Всех наказали, а Никита Сергеевич вышел сухим из воды.

Кагановича исключили из партии и выслали из Москвы.

И Распутин, и Хрущев достигли вершины злодеяний. Первый скомпрометировал царскую семью и самодержавие; второй – Сталина и Советскую власть. Конец жизни у них разный. Распутина убили, труп выбросили в прорубь. Когда Хрущева стащили с кремлевского престола и отправили на пенсию, он начал сочинять свои пасквили, чтобы оправдаться перед потомками и показать – какой он был мудрый и дальновидный реформатор.

* * *

Есть все основания говорить, что Хрущева так и не распознали Сталин и его ближайшее окружение. Никита Сергеевич умел ловко лавировать среди членов Политбюро. Его внешность вызывала доверие и симпатию. Балагур и весельчак, он мог рассказать смешной анекдот или, раскинув руки, сплясать гопака. К слову сказать, молчуны никогда не вызывали доверия коллектива и начальства. Молчит – значит что-то замышляет. Так уж повелось. Хрущев, казалось, был весь нараспашку. Открытый, доступный, хороший исполнитель. Правда, недалекий, малообразованный, но это никого не смущало и не раздражало – рабочий, мол, человек, на своем месте, без претензий на большее.

Только спустя многие годы Молотов скажет:

– С Хрущевым – и Сталин виноват, и я, все мы виноваты, что проморгали, это ведь не просто Хрущев, типичный антиленинец, это течение – игра на настроении.

Никита Сергеевич действительно умел подлаживаться, подстраиваться, быть горячим сторонником всех идей Сталина. Стоило Иосифу Виссарионовичу высказать ту или иную мысль, как он тут же ее подхватывал и брался за реализацию. Это нравилось. Если же он перегибал палку, то в этом не видели большой беды – старался, мол, человек.

Однажды Хрущев рассказал байку про «дюжэ вумного» Опанаса, мечтающего прославиться на все село.

– Ночью, – рассказывал Никита, – Опанас разбудил жену и сказал ей: «Таньку, вставай, придумав я новэ: колы зібраты з усього сэла сокыры (топоры), вырубаты проруб в річці, та кынуты ці сокыры в проруб, ось булькнэ, аж на всэ сэло чуты будэ».

Байка всем понравилась. Сталин смеялся до слез. С тех пор, когда они встречались, Иосиф Виссарионович часто спрашивал: «Ну скажи, Микитка, что сегодня булькнет?» Видимо, Сталин все-таки подозревал, что в самом Хрущеве живет все тот же прожектер Опанас, но не придавал этому значения. Хрущев нужен был как хороший исполнитель. Так он воспринимался и всеми членами Политбюро.

Однако сам Хрущев претендовал на большее. Он был буквально напичкан всяческими идеями. Ему казалось, что все, что делается – делается не так. Вот, если бы я был на их месте... Он давал простор воображению: ликвидировал министерства, давал указания писателям, художникам, ученым; подымал урожайность полей, увеличивал производство мяса. «Все ведь очень просто, – думал он, – нужно только действовать, а они сидят, сложа руки».

Обуреваемый идеями, он не мог спать. Топорные лавры Опанаса не давали ему покоя. Но если тот хотел прославиться на все село, то Никита Сергеевич мечтал стать известным во всей стране, во всем мире.

– Хочу построить агрогорода, – говорил Никита жене, – ты представляешь, что это будет?

Нина Петровна не представляла. Ей хотелось спать, а Никите Сергеевичу не спалось. Ворочаясь с боку на бок, он принимает единоличное решение об укрупнении сел, поселков, колхозов, ликвидируя мелкие деревушки, на которых и держалось веками сельское хозяйство России. Однако селяне его почему-то не поддерживали. Из 1127 колхозов Московской области за реорганизацию проголосовали только 230. Хрущев был возмущен до глубины души. Всех, кто не поддержал его идею, он объявил бухаринцами, троцкистами и уклонистами. У него

был большой набор ярлыков. Не долго думая, пригласил к себе Успенского, возглавлявшего управление НКВД столицы.

– Вот что, товарищ Успенский, – сказал Никита Сергеевич, – в городе мы зачистили врагов народа, – а вот до села руки так и не дошли, а они там компрометируют партию и вредят нам. Посмотри, кто там выступает против укрупнения деревень. Это явные враги народа. Ты займись этим делом.

О новшестве Хрущева узнал Сталин. Он возмутился: «Хрущев болен маниакальной реорганизацией, – сказал он, – за ним нужно присматривать».

Были приняты срочные контрмеры против хрущевской инициативы. В местные партийные организации разослали закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». В нем осуждалась хрущевская компания по слиянию и ликвидации веками сложившихся деревень и деревенского уклада. Критиковалась и накануне вышедшая в «Правде» статья Хрущева по этому вопросу.

По предложению Сталина, была создана специальная комиссия по проверке вреда, нанесенного хрущевской инициативой. Комиссию возглавил Маленков, в состав включили Молотова.

– Вы покрепче всыпьте Хрущеву, – попросил Сталин членов комиссии, – такое головотяпство нельзя прощать.

«Однако когда мы после проверки принесли свой проект Сталину, – вспоминал позже Молотов, – он долго качал головой, а потом сказал: «Надо помягче. Смягчите».

Сам Хрущев перетрусил не на шутку. Он ожидал серьезных выводов, но Сталин не сделал этого и ограничился беседой.

– Ваша поспешность, – сказал он Никите, – вредит делу. Есть хорошая поговорка: семь раз отмерь, один – отрежь. А вы все режете без меры, не зная, что из этого выйдет. Вы учтите это.

Хрущев, молитвенно сложив руки, признал свою ошибку и покался.

– Я виноват, товарищ Сталин, – сказал он, – впредь не допущу подобных ошибок.

Никита Сергеевич лукавил. В душе он не был согласен с такой оценкой. Под видом внешней покорности и смирения, он прятал свои истинные мысли. Эта двойственность была присуща его натуре. В нем удивительнейшим образом сочетались сентиментальность и жестокость, лесть и ненависть, демагогия и зависть, показная дружба и предательство, уступчивость и мстительность. В тридцатые годы по спискам, составленным Хрущевым, тысячи людей были посажены в тюрьмы и приговорены к высшей мере наказания, а в пятидесятые годы он их реабилитировал и сказал, что ничего об этом не знал и не ведал. При жизни Сталина он был выдающимся и непревзойденным подхалимом, столько подобострастных слов в адрес вождя ни произнес ни один политик того времени, а после смерти – оклеветал его и измазал грязью.

Хрущев был многолик, меняя маски, он не менял своей сути, совмещая в себе Манилова и Ноздрева, бравого солдата Швейка и прекраснородушного Чичикова, Распутина и Герострата.

Тайное и явное

Свое жизнеописание или, так называемые диктофонные надиктовки, растянувшиеся на тысячи убористых страниц, Хрущев начал с учебы в Московской промакадемии, когда ему исполнилось 35 лет. Таким образом,

Никита Сергеевич обошел молчанием большой отрезок жизни. Или говорил о нем наспех, скороговоркой, как о чем-то совершенно несущественном.

«В 1908 году, – писал он, – отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось 14 лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов... Затем началась работа на шахтах и заводах, забастовки, революция, Гражданская война. Обо всем этом я не буду рассказывать, может быть, лишь упомяну кое-что по ходу повествования».

О чем же тогда хотел нам поведать Никита Сергеевич?

– Я буду говорить о Сталине, – заявил он.

Это, конечно, заманчивая тема для разговора. Но нам, современникам, да и будущим поколениям, интересно все-таки знать еще и то, что же делал и чем занимался будущий «вождь» до 35-летнего возраста. Это ведь большой и важный отрезок времени в жизни каждого человека. Именно в этот период формируются характер, привычки, мировоззрение, моральные и человеческие качества. Однако говорить об этом Никита Сергеевич не захотел. Он думал, что ему поверят на слово, и назойливо подчеркивал свои исключительные способности, честность и правдолюбие. «Я хочу быть очень правдивым, – говорил он в своих диктофонных надиктовках, – и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить».

Лукавил Никита Сергеевич. Он великий мастер смешивать грешное с праведным, клевету с вымыслом до такой степени, что и сам потом не мог понять, где он лгал, а где говорил правду. Одни и те же события и факты в зависимости от целесообразности и от того, с кем он говорил, преподносятся, как откровения, по-разному.

Однажды он рассказал, что поссорился с отцом, когда тот забрал его из школы и отправил работать в поле. «Я провел в школе год или два, – вспоминал он, – выучился считать до тридцати, отец решил, что мне учиться хватит. Все, что тебе нужно, – сказал он, – выучиться считать деньги, а больше тридцати рублей у тебя все равно никогда не будет».

Спустя какое-то время Хрущев выдал школьную историю в другом свете.

«В школе, говорил он, особенно мне удавалась математика. Я все задачи решал в уме. Часто я замещал Лидию Михайловну, нашу учительницу, когда она уезжала в город, или поправлял ее собственные ошибки. После окончания школы – отучился я в общей сложности четыре года...»

– Постой, – пытались уличить Хрущева во лжи вчерашние слушатели, – ты же говорил, что учился в школе всего два года и выучился считать только до тридцати, а здесь...

– Это тогда я говорил, – перебил Никита Сергеевич своих разоблачителей, а это сейчас говорю. Понимать надо.

Но никто ничего не понимал. За враньем Хрущева скрывалась тайна недоучившегося мальчишки.

Таких запутанных историй с детством Хрущева очень много. Вот еще одна из них:

^Жили бедно, – говорил Никита Сергеевич, – не было даже лошади, а безлошадный мужик – не мужик, а голь перекатная. Отец работал зимой на шахтах в Юзовке, надеясь накопить денег и купить лошадь, чтобы выращивать достаточно картошки и капусты на прокорм семьи, но лошадью так и не обзавелся.

Однако автор книги «Жизнь замечательных людей» Уильям Таубман, описывая детство Хрущева, подчеркивал, что на его воспитание большое влияние оказывала мать. «Отец также пытался научить сына умеренности, но не слишком разумным путем: пообещал Никите золотые часы, если тот не будет курить...»

Согласитесь, что человек, который не имеет денег, чтобы «выращивать достаточно картошки и капусты на прокорм семьи» вряд ли будет обещать сыну золотые часы.

Много легенд сочинил Никита Сергеевич о своей шахтерской жизни в Юзовке, ныне Донецке. С его слов, сюда он переехал жить в 1908 году вместе с родителями, когда ему исполнилось 14 лет. Отец и мать по-прежнему лелеяли мечту подзаработать денег, чтобы, вернувшись в деревню, купить лошадь.

Вспомним: чуточку раньше Никита Сергеевич рассказывал, что в 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко, «...и я там работал на пахоте погонщиком волов...» Опять не вяжутся концы с концами.

– По приезде в Юзовку, – рассказывал Никита Сергеевич, – я первые годы пас скот, потом чистил паровые котлы и получал за свою работу 25 копеек в день. Потом мне предложили на выбор: учиться на слесаря или на токаря. Я выбрал слесарную специальность и не ошибся. Токарь изготавливает только детали, а слесарь может собрать целую машину. Я сразу же приобрел велосипед с мотором, купил часы, фотоаппарат...

Опять что-то не складывается. С одной стороны, беспросветная нужда и желание хотя бы немного подзаработать денег, чтобы вернуться в деревню, а с другой – покупка таких вещей, которые по тем временам стоили не дешево. Возникает вопрос: откуда такие деньги? Простой арифметикой можно доказать, что Никита Сергеевич не мог их заработать. В 14 лет он приехал в Юзовку. Два года пас скот и, естественно, ничего не получал, затем два или три года чистил паровые котлы и зарабатывал 25 копеек в день. Потом год-полтора учился на слесаря. Был скорее мальчиком на побегушках, чем квалифицированным специалистом...

Итак, подведем черту. Никите Сергеевичу 20 лет, а зарплата, можно сказать, нулевая. Откуда же он взял столько денег, чтобы приобрести велосипед, часы и фотоаппарат? Тут одно из двух: или Никита Сергеевич нашел клад в Юзовке или все, что он рассказывает, из области фантастики.

Естественно, Никита Сергеевич не мог согласиться с такими расчетами и выводом.

– Что касается зарплаты, – говорил он, – то я в эти годы получал тридцать рублей золотом, а когда женился, то получил квартиру, у меня тогда была спальня и кухня-столовая.

Час от часу не легче. Никита Сергеевич одну ложь пытается поправить другой. У меня, как коренного жителя Донбасса, есть серьезные возражения по поводу утверждения Хрущева.

Мой дедушка Дмитрий Павлович и мой отец Василий Дмитриевич приехали в Донбасс в то же время, что и Никита Сергеевич. Они, как и тысячи других переселенцев из России, работали в шахте, но получали за свой каторжный труд гроши и едва сводили концы с концами. Жили в бараке, пока не построили на краю поселка Шербиновка хату-мазанку, которая во время зимних холодов промерзала насквозь. Никто шахтерам, какими бы они специально-стями не владели, квартир не давал. Никита Сергеевич, если не врал, рассказывая о своей шахтерской жизни, то он явно находился в каком-то привилегированном положении, о котором не хотел говорить. Это была его тайна. Однако нет ничего тайного, что не стало бы явным.

После развала Советского Союза чекисты с Лубянки раскрыли его секрет. Никита Сергеевич родился в семье шорника, изготавливавшего для продажи хомуты, вожжи, подпруги и лямки из сыромятной кожи. Все эти изделия пользовались большим спросом в Донбассе. Их применяли при транспортировке угля и породы, как в шахте, так и на поверхности. Будучи хватким и смекалистым подростком, Никита стал возить все эти приспособления в Юзовку и продавать на шахтах. Видимо, отсюда появились у него ловкость и хитрость, которые пригодились ему в жизни.

Естественно, Никита Сергеевич не мог говорить об этом откровенно. Не мог похвастаться и тем, что это стало его натурой, его сутью. Он подстраивался и перестраивался под любые обстоятельства с выгодой для себя. Только Молотов с большим опозданием разглядел в нем жульнические качества и назвал его просолом – человеком с ограниченным кругозором и хваткой торговца скотом.

Теперь разгадана и тайна отношения Никиты Сергеевича к отцу. Со слов Аджубея, отец Хрущева в 1938 году заболел и умер в больнице для туберкулезников. Его похоронили на ближайшем кладбище. Однако Никита Сергеевич за все годы ни разу не побывал на могиле отца и нигде о нем никогда не упоминал. Хрущев явно боялся разговоров о своем отце, чтобы люди случайно не узнали, чем он действительно занимался в Юзовке и какое у него шахтерское прошлое.

Новый стиль руководства или «сапоги всмятку»

Не рассказывал правды Никита Сергеевич и о своей политической карьере. Здесь – сплошной туман. Сам он утверждал, что вступил в партию в 1918 году. Однако, где это произошло и кто его принимал, он умалчивает, а пускается в длительные рассуждения. «Я был известен как человек активный, – говорит он, – однако в партию не вступал до 1918 года. Когда меня спрашивают, почему я так долго тянул, я всегда отвечаю: в то время в партию вступали не так, как сейчас. Никто за тобой не бегал и не уговаривал, было множество разных движений и группировок, и разобраться в них не так-то легко. Но когда случилась революция, я сразу понял, где мое место».

Однако то, о чем говорит Хрущев – это неправда и даже не полуправда. Правда в том, что Никита Сергеевич не принимал участия в революционном движении Донбасса. Он видимо продолжал продавать хомуты и подпруги. Но это не могло долго продолжаться. Великий Октябрь 1917 года взорвал старую жизнь, Юзовка оказалась в центре политической борьбы. Здесь стали образовываться Советы меньшевиков, эсеров, большевиков и других разномастных движений и партий. Эти течения захватили и Хрущева. Он стал метаться между Советами меньшевиков, эсеров, профсоюзами шахтеров и металлургов. В Совет большевиков он так и не вступил.

Накануне Гражданской войны Донбасс оказался в огне пожарищ. Его оккупировали немецко-австрийские войска, а когда они ушли, здесь начала хозяйничать белая армия. Казацкие части под командованием Каледина и Деникина беспощадно расправлялись с большевиками и их сторонниками.

Шахтеры бросали обжитые места и пополняли ряды Красной Армии. Хрущев не спешил защищать Советскую власть, а вместе с семьей бежал в родное село Калиновку Курской губернии. Здесь он надеялся отсидеться до лучших времен. К тому же он хотел поучаствовать в земельном переделе помещичьих угодий, чтобы «оторвать» себе кусок пожирнее. Однако это ему не удалось. В начале 1918 года его мобилизовали в Красную Армию. Об этом времени Хрущев говорил, как о яркой и героической странице своей жизни: «...Мы перешли в наступление... Шли под вражеским огнем... Загнали белогвардейских бандитов в море...» Одним словом, лихой боец на лихом коне с обнаженной шашкой...

Для подтверждения своих военных подвигов Никита Сергеевич показывал групповую фотографию, на которой его невозможно узнать.

– В 1920 году, – пояснял Никита Сергеевич, – я был политработником Девятой кубанской армии.

Трудно сказать, какую пропагандистскую работу проводил Никита Сергеевич среди бойцов. Но известно, что до конца 1924 года он был активным сторонником Троцкого... Однако во времена правления Хрущева об этом не только не говорили, а просто не могли думать – Никита Сергеевич всегда считался истинным марксистом-ленинцем. Писали о нем, как о почетном шахтере, сочиняли всякие небывлицы о его трудовых подвигах в начале двадцатых годов. Причем в этих описаниях столько всякой невообразимой всячины, что даже трудно вообразить. Автор книги о Хрущеве «Жизнь замечательных людей» Уильям Таубман, изданной в 2005 году, писал, что в начале двадцатых годов Никита Сергеевич «усвоил тот открытый и энергичный стиль руководства, который позже стал его визитной карточкой».

Что же это за стиль?

Работая без чертежей (они исчезли вместе с владельцами шахт), он (Хрущев) со своими помощниками «...разобрал доменные печи на части, чтобы понять, что требуется для производства угля, и как сделать, чтобы эти машины снова заработали. Инженеров, чтобы обслуживать эти машины, не было. Из тех, что остались в Донбассе, многие были против нас.

Хрущев сам надевал шахтерскую одежду и спускался под землю, чтобы проверить состояние машин. Не зная отдыха, встречался он с другими руководителями, партийными и профсоюзными лидерами, инспектировал шахтерские бараки, реквизируя жизненно необходимое продовольствие».

Очевидно, автор этих строк хотел похвалить Хрущева, однако комплимент получился весьма сомнительный. Трудно сказать, чего больше в этих описаниях— глупости или элементарного незнания технологии выплавки металла и добычи угля. Стоило ли разбирать доменную печь, чтобы понять «что требуется для добычи угля». Это такая же глупость, как и *сапоги всмятку* или *в огороде бузина, а в Киеве дядька*.

Впрочем, забегаю вперед, скажем: Уильям Таубман оказался прав в том, что этот «энергичный стиль» Хрущев применял, когда стал во главе партии и государства. Тут он использовал «этот стиль», как говорится, на всю катушку. Чтобы укрепить обороноспособность страны, Хрущев начал разоружать армию, а чтобы был мир во всем мире, создал Берлинский и Карибский кризисы и подвел человечество к атомной войне. «Заботясь» о благосостоянии тружеников полей, он разорил тысячи сел...

Удачная хитрость

Удивительные кульбиты проделывает судьба с человеком. Случаются такие события и неожиданные встречи, которые в одночасье переворачивают всю жизнь. Именно такое событие произошло с Хрущевым в конце 1925 года. Не будь этой встречи, мы бы никогда не узнали Хрущева таким, каким мы его знаем. А сам Никита Сергеевич, видимо, остался бы заурядным слесарем на каком-нибудь предприятии Донбасса или вернулся бы в свое село в Курской области, где, возможно, стал бы бригадиром овощеводов, или даже председателем какого-либо колхоза. На большее он не тянул, а учиться не мог – не хватало усидчивости. Он постоянно куда-то спешил, бежал, ехал, шумел, интриговал...

Однако случилось то, что случилось: Хрущев встретил человека, который и дал ему путевку в другую жизнь.

В 1925 году в Сталино (бывшая Юзовка – ныне Донецк) проходила окружная партийная конференция с участием Генерального секретаря ЦК Украины Кагановича. Лазарь Моисеевич, как и положено высокому начальству, сидел в президиуме, а Хрущев, как рядовой делегат, находился в зале. Такая расстановка Никиту не устраивала. Он обижался и злился на всех и на все. И для этого была серьезная причина. До начала конференции его включили в список членов президиума. Он заранее представлял, как будет сидеть рядом с Кагановичем. И сделает все, чтобы тот обратил на него внимание, а там, возможно... «впрочем, все возможно, – думал Никита, – надо, чтобы я ему понравился».

Все испортил секретарь окружкома Григорий Моисеенко. Он смешал все карты, выступив с отводом кандидатуры Никиты Сергеевича в состав президиума.

– Товарищ Хрущев у нас активный троцкист, – сказал он, – и ему не место в нашем президиуме.

Это был серьезный удар по самолюбию и планам будущего вождя. Но и для Моисеенко это добром не кончилось. Когда Хрущев наберет силу, он расстреляет его, как врага народа. Однако это будет не скоро, а сейчас Хрущев думал, как ему спасти положение и выйти, как говорится, сухим из воды. И он нашел единственно правильное решение. Вот как об этом уже в конце жизни поведал нам в своих «Памятных записках» сам Каганович:

«Во время конференции, – писал он, – ко мне подошел делегат конференции товарищ Хрущев. Он мне сказал: Вы меня не знаете, но я вас знаю. Вы приезжали к нам... в начале 1917 года как тов. Кошерович. Вот я к вам обращаюсь по личному вопросу. Мне здесь тяжело работать. Дело в том, что в 1923–1924 годах я поддерживал выступления троцкистов, но в конце 1924 года понял свою ошибку, признал ее, но мне все время об этом напоминают, особенно из окружкома товарищ Моисеенко. Меня наша делегация выдвинула в президиум, а меня отвели. Видимо, мне здесь не дадут работать. Вот я и прошу Вас, как Генерального секретаря ЦК Украины помочь мне и перевести меня в другое место».

Хрущев оказался в нужном месте и в нужное время. Украина готовилась к окружным партийным конференциям, к Всеукраинскому IX съезду партии и к XIV съезду ВКП(б). Работа велась под знаком борьбы за единство партии и противодействия троцкистскими и иными оппозиционными группам. Значительное место занимали задачи сплочения украинской партийной организации и ликвидация групповщины, выходившей даже за рамки округов и принимавшей общереспубликанский характер. Так, например, группа «Екатеринославцев» противостояла группе «Донбассовцев». Порой было даже трудно понять, что они делили.

Отправляя Кагановича на Украину, Сталин предупредил его о предстоящих трудностях. В частности, как позже вспоминал Лазарь Моисеевич, он полшутя сказал, что в Политбюро Украины существует 14 мнений по всем вопросам. На возражение Кагановича, что этого не может быть, так как в Политбюро ЦК Украины всего 7 человек, Сталин ответил: «Сначала один

член Политбюро расходится с другим – получается 7 мнений, а потом каждый член Политбюро расходится с самим собой – получается еще 7 мнений, а в целом получается 14 мнений. Вы должны это преодолеть. Недаром ведь говорят, где два украинца, там три гетмана».

Сталин с минутой помолчал и добавил:

– Присмотрись там к местным кадрам, толковых рабочих нужно выдвигать на партийную работу.

Вот под это настроение и попал Никита Сергеевич.

«Хрущев произвел на меня хорошее впечатление, – писал Лазарь Моисеевич, – мне понравилось его прямое признание своих ошибок и трезвая оценка его положения. Я обещал по приезду в Харьков (Харьков – столица Украины в тот период) подумать, куда его перевести».

Это была та самая первая встреча, которая положила начало политической карьере Хрущева.

Есть все основания предполагать, что Каганович предложил Григорию Моисеенко взять Хрущева в окружном и присмотреться к нему поближе. Только этим можно объяснить, что после конференции Никита оказался на должности заведующего орготделом Сталинского окружкома. Теперь он работал под началом Григория Моисеенко и рьяно выполнял все его поручения. И даже больше того, он сам, по собственной инициативе объявил войну всякому инакомыслию и стал преследовать своих вчерашних единомышленников по троцкистской платформе. Он начал запугивать юзовских оппозиционеров, предлагая выносить смертные приговоры всем тем, кто в период Гражданской войны сражался против большевиков и поддерживал троцкистскую платформу.

Однако Григорий Моисеенко скептически относился к его рвению. То, что человек так быстро поменял свои убеждения, настораживало его и он, помня троцкистское прошлое Никиты, останавливал его в служебном рвении.

– Не все такие быстрые и ловкие, как ты, – говорил он Хрущеву, – надо дать человеку время осмыслить, оценить и понять свои ошибки.

Никита Сергеевич понял, что ему не обойти и не объехать Моисеенко, и пока он его начальник, не продвинуться вперед. Так родилась мысль убрать Моисеенко со своей дороги.

Скоро по окружному поползли слухи, что Моисеенко не оправдал доверия партии, и его снимут. Ему приписывали моральное разложение, пьянки и прочие грехи. Он понимал, откуда дует ветер, но ничего не мог противопоставить этим наветам. Он хотел вызвать к себе Хрущева и поговорить с ним по душам, но Никита Сергеевич зашел к Моисеенко сам без приглашения. И глядя добрыми глазами на своего начальника, которого уже довел до отчаяния, посочувствовал:

– Это явный наклеп на вас, но мы все с вами, мы вас всегда поддержим и в обиду не дадим.

Когда в ЦК Украины узнали о сложившейся обстановке в Сталинском окружкоме (видимо, здесь также не обошлось без стараний Никиты), Моисеенко освободили от занимаемой должности.

Так впервые сработало мощное хрущевское оружие – интрига и клевета.

Никита надеялся занять место Моисеенко, но здесь вышла осечка. Политбюро Украины назначило на эту должность В. Строганова. Это было явно не по душе Никите, и спустя какое-то время о новом секретаре стали говорить, как о «старой калоше», «любителе выпить», не знаящем специфику угольного и металлургического производства.

«Скоро, – писал Никита в своих воспоминаниях, – все подчиненные Строганова начали обращаться по важным вопросам не к нему, а ко мне. Это было понятно, но для него это было тяжело, принижало его роль... Ко мне они шли потому, что я вырос в этом районе... У меня был очень широкий круг друзей... К тому времени я неплохо разбирался в вопросах производства... Тогда это было главным. По тем временам руководитель, который не разбирался в

вопросах угля или металлургии, химии и строительства, считался, грубо говоря, дураком. Как раз в такое положение и попал Строганов, хотя человек он был не глупый. Он тоже позднее погиб, бедняга, и я тогда его жалел, да и сейчас жалею: он не заслуживал ни ареста, ни расстрела».

Если из всего того, что написал Никита Сергеевич в своих поздних «Воспоминаниях», отбросить лукавство и ханжеское кликушество, то мы увидим Хрущева во всей красе. В эти годы он подсиживал своего начальника, стараясь выставить его дураком. Что касается его знания производства, то оно было на таком низком уровне, что об этом даже страшно подумать. Вспомним, как он «разбирал доменные печи на части, чтобы понять, что требуется для производства угля»... И последнее: сожаление Никиты Сергеевича об аресте и расстреле Строганова в годы репрессий. Хрущев ничего не говорит о том, что в эти годы он уже был первым секретарем ЦК Украины и Строганов был расстрелян если не по его прямому указанию, то, безусловно, с его согласия. Но об этом речь пойдет ниже. В своих же воспоминаниях Хрущев изображает себя таким добрым и бескорыстным партийным работником.

– «Я даже уехал из Сталино, – говорит он, – чтобы дать бедняге (речь идет о Строганове) возможность развернуться».

Однако дело обстояло совсем не так. Есть все основания полагать, что Никите не удалось скомпрометировать и «завалить» Строганова. Он понял, что все интриги могут плохо кончиться для него и, желая упредить неблагоприятное развитие событий, срочно уехал в Харьков.

У Никиты Сергеевича было какое-то особое чутье на приближающуюся беду. Он умел ускользать и увильнуть от опасностей, подставляя под удар кого-либо другого. И в данном случае он рассчитал все правильно. Конфликт со Строгановым был не в его пользу, и он решил напомнить Кагановичу о себе. Вот как об этом пишет в своих «Памятных записках» сам Лазарь Моисеевич:

«Помощник мне доложил, что вот звонит с вокзала приехавший из Донбасса товарищ Хрущев и просит вашего приема. Я сказал: пусть приедет. Я его сразу принял. Помню, как он благодарил за то, что я его сразу же принял. «Я, – сказал он, – думал, что придется долго ждать».

Заметив, что он бледен, я спросил: «Вы, вероятно, прямо с поезда и голодны?» Он, улыбувшись, сказал: «Вы, видать, догадливый человек, я действительно давно не ел. – Тогда покусайте, а потом будем говорить».

Подали чай и бутерброды, которые он аппетитно ел...»

Знал бы Каганович, кого кормит и поит, он бы и на пушечный выстрел не подпустил его к себе...

Нетрудно догадаться, что говорил Хрущев Кагановичу при встрече. Он убедил Лазаря Моисеевича, что его по-прежнему попрекают троцкистским прошлым и не дают работать в полную силу. Каганович, помня слова Сталина о необходимости выдвигать в партийный аппарат сознательных и толковых рабочих, предложил ему должность инструктора орготдела ЦК.

– Поработайте инструктором, – сказал Лазарь Моисеевич, а потом посмотрим.

Каганович ничего не говорит о деловых качествах Никиты Сергеевича, а направляет его в Киев и назначает заведующим орготделом окружкома. В Киеве Хрущев живет в пятикомнатной квартире и соседствует с командующим Украинским (затем – Киевским) военным округом И.Якиром. Одним словом, жизнь обустраивается как нельзя лучше. Об этом еще пару лет тому назад можно было только мечтать. Однако, это стремительное перемещение – из провинциального Сталино в Харьков, а из Харькова в Киев, с одновременным взлетом по служебной лестнице, – лишь возбуждает карьерный аппетит Никиты Сергеевича. Ему хочется большего – стать, к примеру, заведующим орготделом ЦК. С этой целью он снова использует свое испытанное оружие – интригу.

Вскоре поползли упорные слухи, что Хрущев, дескать, человек Кагановича, что его только временно прислали работать в Киевский окружком и скоро он опять вернется работать в ЦК Украины. Но произошло непредвиденное: Кагановича отозвали в Москву, а Генеральным секретарем ЦК Украины назначили Станислава Викентьевича Косиора, который знал о троцкистском прошлом Никиты и не признавал за ним никаких заслуг.

Бегство

Надо отдать должное Хрущеву. Он и на этот раз реально оценил свое положение. Снова четко сработал расчет, а чувство самосохранения подсказало ему, что нужно бежать. Он упредил личную катастрофу и, не откладывая дела в долгий ящик, пошел к Николаю Демченко (в то время заведующему орготделом ЦК и его прямому руководителю) и заявил о желании учиться в Московской промакадемии.

– А как же быть с тем, что ты, говорят, собирался вернуться в ЦК, – иронично спросил Демченко, – и стать вторым после первого.

Никита изобразил оскорбленную невинность.

– Это наклеп, товарищ Демченко, – не моргнув глазом, возразил он, – я никогда об этом не говорил и даже не думал.

– Наклеп, так наклеп, – усмехнулся Демченко. – Но я вас не задерживаю. Однако согласуй этот вопрос с товарищем Косиором.

В тот же день Никита Сергеевич напросился на прием к секретарю ЦК КП(б) Украины Косиору.

– Грамоты у меня маловато, – с подкупающей откровенностью сказал Хрущев секретарю ЦК, – хочу учиться.

Станислав Викентьевич внимательно посмотрел на Никиту и улыбнулся. Перед ним стоял щеголевато и в то же время безвкусно одетый человек. На нем был новый темно-синий костюм, брюки заправлены в нечищенные сапоги, а под пиджаком – расшитая украинская рубашка-косоворотка с расстегнутыми верхними пуговицами. Круглое лицо с оттопыренными ушами расплывалось в доброжелательной улыбке. Это вызывало какую-то неопределенную расположенность к этому человеку, хотелось похлопать его по плечу и потрогать за оттопыренные уши. Однако Станислав Викентьевич ничего этого не сделал. Он поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и остановился в двух шагах от Никиты.

– Грамоты, говорите, у вас маловато, – сказал он, – это скромная оценка ваших знаний. Вы совершенно безграмотный человек. Я как-то видел вашу резолюцию, где вы написали: «азнакомица». В одном слове три ошибки.

Замечание Косиора вызвало негодование в душе Хрущева. Он ненавидел всех, кто указывал ему на его недостатки или малограмотность.

– Некогда было учиться, – сказал Никита, – я шахтер, рабочий человек, воевал...

Эти качества Никита Сергеевич постоянно выпячивал, ставил на первое место и козырял ими.

– А кем вы хотите быть после окончания Пром-академии? – спросил Косиор.

– Металлургом, – ответил Никита, – я не люблю канцелярскую работу.

– Очень хорошо, – в раздумье сказал Станислав Викентьевич, – партии нужны высококвалифицированные специалисты, – и тут же добавил, – только говорят, что вы «человек Кагановича» и едете в Москву по его приглашению. Так ли это?

Хрущев не ожидал подобного вопроса от секретаря ЦК и растерялся. Улыбка сошла с его лица и Косиор, к своему удивлению, увидел совсем другого человека, совсем ему незнакомого и непонятного. Серо-голубые глаза смотрели на него с дикой ненавистью. «Странно, – подумал Станислав Викентьевич, – надо же так измениться. Прямо хамелеон какой-то».

Однако растерянность Никиты длилась какую-то минуту. Скоро он взял себя в руки, и на его лице опять появилась приветливая улыбка. Хрущев не только знал о тех слухах, которые ходили о нем в Киевском окружкоме и в ЦК Украины, но и сам их распускал. Именно от него все узнали что он «человек Кагановича». Потом, когда он объявил, что едет в Москву учиться, многим стал по «секрету» нашептывать, что его вызывает сам Каганович.

– Кое-какие вопросы нужно решать, – загадочно намекал Никита Сергеевич, зная, что все, о чем он расскажет по «секрету», завтра будет известно на самом верху. Этой нехитрой интрижкой он хотел поднять себе цену и одновременно узнать прочность своего положения в ЦК Украины. Пущенный слух сработал. Он понял, что после отъезда Кагановича в Москву им никто особенно не интересуется. Это он почувствовал в разговоре с Демченко и с Косиором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.